

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

*Курумшиева Р.Н.
КГТУ им.И.Раззакова*

Вопрос о возможности перевода является в своей основе вопросом философским, методологическим, в значительной мере производным от трактовки проблемы соотношения языка и мышления.

Понятия «переводимость» и «непереводимость» трактуются в литературе по-разному. Иногда речь идёт о принципиальной возможности перевод с одного языка на другой. В других случаях имеется в виду возможность нахождения эквивалента языковой единицы исходного языка в языке перевода. И то, и другое понимание переводимости, в конечном счете, обуславливается трактовкой таких ключевых понятий перевода, как «эквивалентность», «адекватность», «сущность перевода» и др. Многое в решении проблемы зависит от того, как трактуется соотношение языковых и внеязыковых аспектов перевода, какие требования предъявляются к переводу и какие нормативные критерии используются при переводе.

Известна резко отрицательная позиция по вопросу о переводимости В. Фон Гумбольдта, который в письме к Шлегелю от 23 июля 1796г. утверждал: «Всякий перевод представляется мне, безусловно, попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно». Подобный взгляд на переводимость самым непосредственным образом связан с одним из важнейших постулатов Гумбольдта о языке как форме выражения народного духа, об индивидуальном своеобразии языков.

Идеи Гумбольдта получают дальнейшее развитие в неогумбольдтианском направлении, и в частности трудах Л. Вейсгербера, в которых утверждается детерминирующая роль языка, образующего промежуточный мир, сквозь который человек воспринимает действительность.

Различное членение языкового содержания в специфичных для отдельных языков семантических полях свидетельствует, согласно Вейсгерберу, о том, что каждый родной язык содержит "обязательный для данного языкового коллектива промежуточный мир", формирующий его картину мира.

По мнению В. Коллера, из этой концепции следует, что непереводаемость обусловлена самой природой языка. В самом деле, если исходить из того, что каждый конкретный язык содержит свою собственную картину мира, детерминирующую восприятие внеязыковой действительности его носителями, то непереводаемость приобретает статус общеязыковедческой аксиомы. Возникает неразрешимое противоречие, обусловленное тем, что перевод по своей сути транспонирует языковое содержание одного родного языка в языковое содержание другого, в то время как каждый из этих языков

конституирует собственный духовный промежуточный мир, благодаря которому реальный мир человека становится доступным для понимания и коммуникации. И хотя Л. Вейсгербер не дает четкого ответа на вопрос о том, насколько решающим является влияние языка на мышление, ясно, что в его концепции язык "присваивает себе" функции, которые в других гносеологических теориях отводятся мышлению.

Оценивая неогумбольдтианскую трактовку соотношения языка и мышления, П.В. Чесноков отмечает, что философия неогумбольдтианства есть субъективно-идеалистическая философия позитивизма, которая основывается на метафизическом преувеличении активности языка в процессе познания. Еще более ярко выраженный характер тенденция к отождествлению языка и мышления приобретает у Б. Уорфа, основоположника теории лингвистической относительности.

Выводы, к которым приходят сторонники теории лингвистической относительности о наличии особого логического строя, отличного от логики индоевропейских народов, в мышлении носителей языков иного типа, являются результатом "неразличения логических форм (логического строя мысли) и семантических форм (семантического строя) смыслового содержания предложений и иных языковых построений. Логический строй мысли один для всех людей, ибо он вытекает из природы человеческого познания, обусловлен потребностями познавательной деятельности человека и, в конечном счете, потребностями практики. Поэтому никакие особенности строя языков не могут изменить его".

Именно эта общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, а также наличие семантических универсалий, характеризующих язык вообще, составляют ту основу, на которой возникает принципиальная возможность переводимости.

Более того, семантические расхождения, которые действительно существуют между языками, не создают непреодолимого барьера для межкультурной коммуникации, и в частности, для перевода. П. В. Чесноков совершенно прав, отмечая, что выразительные возможности системы любого языка весьма ограничены, но это не является препятствием для познавательной деятельности людей, потому что познание, стимулируемое задачами, которые ставит перед человеком практика, осуществляется не на базе закрепленной системы языка, а на базе бесконечно многообразной, гибкой и подвижной речи, использующей средства языковой системы и

обладающей безграничными возможностями комбинирования ее единиц. Отсюда делается вывод, имеющий самое непосредственное отношение к проблеме переводимости: "Чем больше укрепляются связи между народами, чем больше нивелируются различия в их практической деятельности и условиях жизни, тем большее единство приобретают их познавательные интересы, тем большую роль начинает играть процесс преодоления семантических расхождений в речи".

К этому следует добавить и то, что речь обладает еще одним мощным средством нейтрализации семантических расхождений, а именно языковым и ситуативным контекстом. Тот факт, что роль контекста часто не принимается во внимание в неогумбольдтианских теориях, отмечает, в частности, В.Н. Ярцева, полемизируя с Б. Уорфом.

Факты, на которые ссылаются неогумбольдтианцы, как правило, касаются расхождений в репертуаре и содержании грамматических категорий, в структуре семантических полей и других различий на уровне языковой системы. Однако, перевод, как неоднократно подчеркивалось выше, представляет собой одну из разновидностей речевой коммуникации, в ходе которой анализируются и порождаются речевые произведения - тексты. Так, например, отсутствие в языке перевода соответствующей грамматической формы порой компенсируется путем введения в текст передающей значение этой формы лексической единицы: - ...Это со мной бывает, точно ребенок (Достоевский) I am like that sometimes just like a child. Здесь видовое значение многократности (бывает) передается лексически с помощью наречия sometimes. Таким образом, отсутствие в английском языке грамматической оппозиции совершенного /несовершенного вида не служит препятствием для выражения соответствующих значений.

В других случаях семантическое пространство, охватываемое единой грамматической формой в исходном языке (например, формой прошедшего времени в русском), оказывается разделенным между разными формами языка перевода (например, в английском Past Indefinite и Present Perfect): Довольно людей кормили сладостями, у них от этого испортился желудок (Лермонтов) - People have been fed enough sweetmeats to upset their stomachs. Здесь контекст, привносящий в высказывание значение результативности, актуальности действия в прошлом для настоящего, позволяет приравнять форму прошедшего времени {кормили} к Present Perfect (have been fed).

Контекст (порой даже микроконтекст словосочетания) позволяет преодолевать семантические расхождения, вызванные несовпадением структуры семантических полей. Так, например, известно, что в русском и английском языках в семантических полях цветообозначения (английский) blue соответствует синий и голубой (русский). Вместе с тем, в переводе эта проблема сравнительно легко разрешается на основе минимального контекста: blue eyes – голубые глаза, blue sea – синее море, blue sky – голубое небо, blue cornflower – голубой василек.

Постулату непереводаемости противостоит постулат переводимости, который в цитированной выше работе В. Коллера сформулирован в виде

следующей аксиомы: "Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой". Принципиальная возможность перевода убедительно подтверждается практикой, и в частности неоспоримыми достижениями переводчиков в развитии культурных связей между народами.

Вместе с тем, абсолютизация принципа переводимости едва ли соответствует реальным фактам переводческой деятельности, которая, как отмечалось выше, нередко влечет за собой известные компромиссы и потери, неизбежные в свете тех противоречивых задач, которые приходится решать переводчику. Проблема переводимости должна рассматриваться конкретно, с учетом того, идет ли речь о тексте в целом или о тех либо иных его элементах. Кроме того, необходимо различать, с одной стороны, возможность выполнения требований эквивалентности, а с другой, возможность соответствия критериям адекватности.

Функциональные параметры текста далеко не равнозначны с точки зрения потенциальной возможности их передачи в переводе. Об этом, в частности, пишет О. Каде, считающий, что любые тексты исходного языка могут замещаться текстами языка перевода при сохранении неизменным "рационального информационного содержания". Что же касается передачи других элементов содержания (экспрессивно-эмоциональной нагрузки, художественно-эстетической ценности, прагматической нагрузки, обусловленной языковыми особенностями определенных речевых коллективов, коннотативных компонентов значения), то вопрос об их передаче требует, по мнению О.Каде, дальнейших исследований.

Действительно, референтная (денотативная) функция, которую имеет в виду О. Каде, говоря о передаче "рационального информационного содержания", сравнительно легко поддается передаче на другой текст, особенно в текстах, ориентированных преимущественно на эту функцию. С другой стороны, передача других функциональных параметров текста порой сопряжена со значительными трудностями. Так, в качестве примера ограниченной переводимости нередко приводятся проблемы, возникающие в связи с передачей металингвистической функции. В качестве примера решения этой нелегкой задачи А.В. Федоров приводит воссоздание в русском переводе Н.Г. Яковлевой слов воровского жаргона, комментируемых Бальзаком в IV части романа "Блеск и нищета куртизанок»

On invente les billets de banque, le bagne les appelle des fafiots garates, du nom de Garat, le caissier qui les signe. Fafiot! n'entendez-vous pas le bruissement du papier de soie? Le billet de mille francs est un fafiot male, le billet de cinq cents un fafiot femelle - "Выдумают ли банковые билеты, каторга назовет их гарачьи шуршики, по имени Гара, кассира, который их подписывал - Шуршики! Разве не слышите вы шелеста шелковистой бумаги? Билет в тысячу франков шуршень, билет в пятьсот франков шуршеница».

Здесь неологизм *fafiot* с помощью звукоподражательного новообразования от глагола *шуршать* путём чисто русской суффиксации –

шуршики, шуршень, шуршеница. “При всём остроумии и изобретательности в решении

переводческой задачи, оценивает А. В.Фёдоров, ощущается всё же пусть не очень резкое, но неизбежное противоречие более широкому контексту этой части романа, где речь идёт о французских корнях и этимологиях, где, таким образом, элементы французского языка выступают как неопределённый объект и материал рассуждения Бальзака”.

Литература

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. Вып. 16.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1966.
3. Бархударов Л.С. Язык и перевод. - М.: Международные отношения, 1975.
4. Бархударов Л.С. Что нужно знать переводчику // Тетради переводчика. - М.: Международные отношения, 1978. Вып. 15.
5. Бархударов Л. С. Контекстуальное значение и перевод // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. Тореца. - М., 1984. Вып. 238